

**ФОРМУЛА ВВОДА ЦИТИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ**

Д. В. Кузнецов

CITATION FORMULA AS A LINGUISTIC PERSONOLOGICAL CRITERION

D. V. Kuznetsov

Поскольку любая грамматическая категория предоставляет автору речевого произведения вариативные формы, избираются они под воздействием антропофактора, т. е. грамматика является личностно обусловленной. Грамматическая схема описываемой в речи ситуации зависит от существующей у автора картины мира.

As any grammatical category provides variable forms for the author of a speech act, they are selected under the influence of human factor. Thus, grammar is personality dependent. Grammatical scheme of the situation described in speech is determined by the author's picture of the world.

Ключевые слова: лингвоперсоналогия, языковая личность, цитирование, грамматическое время, частотность.

Keywords: linguistic personology, linguistic person, citation, tense, frequency.

Современную эпоху можно охарактеризовать как эпоху человека говорящего, поскольку во всех областях освоения и познания действительности возрастает роль языка – универсального средства овладения миром. Язык, являясь средством накопления, хранения, переработки и передачи информации, становится двигателем прогресса человечества. Возрастание роли личностного фактора в обществе формирует особый социально-психологический стереотип – доверие к слову. В этих условиях владение языком рассматривается как важнейший компонент личности, особенно если она занимает или претендует на какое-либо положение в обществе, место в социальной иерархии.

Главенствующий в современной науке принцип антропоцентризма проявляется в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [5, с. 212]. Одним из базовых понятий, которыми оперирует антропологическая лингвистика, является понятие языковой личности, рассматриваемой как «индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения».

Н. Д. Голев определяет языковую личность как носителя «языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развиваемого в соответствии с заложенным в ней потенциалом. Как следствие такого понимания, в роли главного системообразующего параметра типологии языковых личностей выступает ментально-психологический аспект языковой способности» [2, с. 10]. При такой интерпретации языковая личность не отождествляется с языковой способностью, поскольку структура ее, помимо «изначальной» языковой способности, предполагает наличие приобретенных компонентов: а) впитанного вместе с усвоением языка коммуникативного опыта в его разнообразных проявлениях (прежде всего социально-коммуникативном и культурно-языковым); б) индивидуального опыта и преломленного в нем коллективного опыта, который аккумулирован в языке и в известном смысле навязывается носителю языка как индивиду; в) «багажа», приобретенного в

результате обучения и самообучения языковой личности [там же].

Нельзя не согласиться со словами В. В. Наумова о том, что «целостность и органичность языковой личности не зависит от интеллекта, образования и нравственности. Даже если эти параметры не отличаются «высоким уровнем», способность индивида в целом адекватно воспринимать и производить речь на родном языке позволит ему осознать себя равным среди равных, по крайней мере, в той части языкового коллектива, принадлежности к которой обусловило формирование соответствующей формы отношений с языком» [6, с. 18]. Индивид, способный к общению даже на самом примитивном уровне, обладает не в меньшей (а возможно, и в большей) степени чертами, характеризующими его как языковую личность, как и самый филологически развитый представитель данного социума. В данном случае речь идет лишь о соответствии конвенциональным нормам, что едва ли является фактором, позволяющим считать того или иного носителя языка языковой личностью. Вопрос общей грамотности и корректности речевых произведений должен выноситься за скобки, поскольку каждый акт речетворчества – вне зависимости от его соответствия нормативу – характеризует автора речи, позволяя делать определенные выводы о принадлежности его к некоторому типу в целостной системе.

Главной задачей лингвоперсоналогического исследования выступает выделение параметров, на основании которых могли бы быть сформированы типы языковых личностей и, в дальнейшем, создание типологической системы, позволяющей более или менее четко стратифицировать любой подвергаемый анализу «объект», указав его место в системе. Закономерно и то, что любая такая система не может быть дискретной, поскольку, как было сказано выше, каждый отдельный случай подразумевает наличие как индивидуальных, так и социальных признаков. Тем не менее можно говорить о неких усредненных, стандартизированных типах, характеризующихся стабильной частотностью.

В основном антропоцентрический принцип принято применять в сфере лексических особенностей дискурса. Намного реже антропоцентризм связывают с грамматическими категориями, хотя они способны раскрыть особенности мышления автора речи порой даже более ярко, чем используемая им лексика.

Люди, пользующиеся одним и тем же языком, мыслят по-разному, так как индивидуальный речевой потенциал каждого носителя языка безгранично вариативен. То, что закреплено нормами в языковом стандарте, вовсе не обязательно служит для отображения одних и тех же мыслей и чувств разных носителей языка. Формирование смыслов, равно как и образование форм, таким образом, является прерогативой языковой личности – единственно возможного творца языка в любой момент его развития. Комплекс условий, влияющих на образование новой семантики и грамматических форм объективации, задается индивидуальными характеристиками говорящего, которые находятся в прямой зависимости как от лингвистических (языковая компетенция), так и экстралингвистических (социальных, культурных и проч.) факторов.

В ряде своих исследований Д. Б. Никуличева указывает, что пятикурсники МГЛУ, переведившие рассказ датского писателя (построенный исключительно на формах перфекта и плюсквамперфекта) на русский язык, в большинстве своем использовали несовершенный вид даже там, где можно было бы выбрать совершенный, и переводили формы прошедшего времени формами настоящего. Такая трактовка, бесспорно, усиливает эмоциональную насыщенность повествования, поскольку, «используя формы настоящего времени, естественные для описания подобных ситуаций в русском языке, переводчики бессознательно переходят из позиции видения ситуации рассказчиком «извне» в позицию большей вовлеченности в происходящее» (см. [9, с. 478; 8, с. 271 – 272]. Полученные результаты, по мнению автора, соотносимы с данными психологии, свидетельствующими о существовании различных типов невербального представления времени: разные люди в разной степени склонны вспоминать прошлые события и конструировать события будущего согласно двум моделям: а) ассоциированно, как бы видя ситуацию своими глазами, б) диссоциированно, позиционируя себя в этой ситуации отстраненно, т. е. наблюдая как бы «со стороны».

Соответственно высказываемая автором гипотеза звучит так: «Датская темпоральная система скорее ориентирована на выражение диссоциированного восприятия времени, тогда как видовременная система русского языка прототипически ориентирована на отражение ассоциированного представления времени» [9, с. 479]. С данным выводом можно соглашаться или спорить, однако главным представляется следующее: едва ли система грамматических времен, имеющаяся в языке, способна в полной мере быть отображением ментальности нации, в особенности когда речь идет о ригидных правилах, предписываемых системой. По словам О. Есперсена, «грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неулови-

мым, как кантовская вещь в себе» [3, с. 60]. Буквально то же самое можно наблюдать и здесь: языковая данность не может рассматриваться как обязательное видение ситуации носителями языка. Язык предписывает употребление неких форм, но только в силу их контекстуальной зависимости; если же носителю языка предоставлена свобода, сложно представить, что его мировидение полностью совпадет с выработанной грамматистами схемой. Скорее, в каждом отдельном идиолектном проявлении языковой личности будет доминировать иной – не обусловленный грамматикой – закон построения речевого произведения.

Выбор автором, решающим коммуникативную задачу, синтаксических структур и грамматических категорий – результат сугубо личностных предпочтений и (возможно, неосознанных) процессов, формирующих идиолект. Результат взаимодействия того набора черт, что могут считаться значимыми характеристиками языковой личности. Созвучной здесь представляется следующая мысль. Объясняя механизм выхода человека на картину мира через язык, А. А. Залевская указывает, что «в фокусе внимания индивида находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла (в норме) функционируют именно как средства, «инструменты», которые, будучи в достаточной мере освоенными, не замечаются нами до того момента, когда произойдет какой-то сбой или потребуются целенаправленный (специфический) выбор или анализ каких-то средств» [4, с. 12].

Поскольку предметом рассмотрения в данной работе является функционирование форм грамматической категории времени в формулах, вводящих цитирование в научном исследовании, а исходной презумпцией – лингвоперсонологическая обусловленность реализации грамматических значений в речи, можно выдвинуть следующие рабочие гипотезы:

1. Поскольку грамматические категории обладают имманентной внутренней вариативностью, выбор конкретной формы (совокупности форм) является прерогативой автора речевого произведения и, опосредованно, раскрывает для реципиента авторское мироощущение. Например, внутренние оппозиции категории лица могут свидетельствовать о включенности говорящего в контекст описываемой ситуации в качестве активного участника, либо дистанцировании от него, т. е. избрании позиции наблюдателя; видовые формы указывают на видение описываемого в динамическом развитии, либо в режиме стоп-кадр, когда событие изображается как статичная картинка. Совершенно очевидно, что даже в случаях с грамматическими категориями, предоставляющими автору речи гораздо меньшую свободу выбора (ср., напр., категорию числа), имеется возможность варьирования, указывающего на индивидуальные особенности восприятия (в случае с категорией числа – как целостного, «объемного», либо дискретного). Так, в одном из проведенных экспериментов по описанию картины И. И. Шишкина «Рожь» большинство видит «ржаное/хлебное поле», «море/стена ржи», но зафиксированы и реакции «колышущиеся на ветру/склонившиеся к дороге колосья». Исходя из этого, можно утверждать, что любая грамматическая категория предоставляет – или предполагает – выбор, а это означа-

ет, что в ее природе присутствует антропофактор, т. к. выбирает человек.

2. С позиций лингвоперсонологии, грамматические парадигмы представляют собой двусторонние сущности. Во-первых, и это является основой для традиционалистского, систематологического подхода, в парадигмах присутствует отражательность по отношению к ситуации (объективной, коммуникативной). Во-вторых, присутствует и антропо-/персоно-сторона (термин Н. Д. Голева), т. е. выбор формы в некотором смысле существует априорно в сознании говорящего, его картине мира. Как частные актуализации, так и нейтрализация парадигм зависят от картины мира априори по отношению к коммуникативному акту. Важным в данном случае является то, что речь идет не о произвольном, возможно осознанном, придании определенной стилистической окраски речевому произведению, а именно о реализации индивидуальной – укладывающейся, однако, в общую типологическую систему – картине мира, что и должна доказать статистика экспериментов.

3. В развитии предыдущего тезиса в ракурсе конкретной грамматической категории – грамматического времени, уместно привести следующее определение темпоральных отношений, широко бытующее в лингвистике: «темпоральность (языковое время) – это своеобразная двуплановая объективно-субъективная категория, которую можно представить как особую форму познания мира, сочетающую в себе свойства реального, перцептуального и индивидуального времени», а «время, передаваемое средствами языка, – это отражение реального времени через посредство времени перцептуального» [12, с. 26 – 27]. Обращает на себя внимание то, что во втором определении индивидуальное время фактически сливается с перцептуальным, граница между ними становится призрачной. Ср. с еще одним определением времени перцептуального как «времени, отраженного в культуре, обществе и индивидуальном сознании...», играющем «исключительную роль среди когнитивных структур и процессов, участвующих в восприятии реального мира. С его помощью реальный мир трансформируется в «проецируемый мир», который и является доступным человеческому сознанию» [12, с. 24 – 25]. Индивидуальное время, таким образом, уходит на абсолютную периферию, что, однако, противоречит собранным экспериментальным данным. Как раз в формировании языкового времени (и соответственно хронотопа речевого произведения) индивидуальное время – картина мира, существующая в сознании автора априорно, вне зависимости от конвенциональных норм – играет наиболее выраженную роль. Достаточно вспомнить высказанные полтора столетия назад мысли о том, что «ни одна глагольная форма в нашем языке времени не означает. Очевидно, что сама категория времени теряется» [1, с. 11] и «русский язык не имеет ни одной формы, которая бы показывала то, или другое время... Возможность связи известного времени с известной какой-либо формой глагола основана единственно на смысле самой речи» [7, с. 122, с. 307].

Для анализа были взяты сборники материалов двух конференций студентов, аспирантов и молодых

ученых, проведенных в КемГУ в 2010 и 2012 гг. [10, 11]. Материал общим объемом около 50 п. л. был подвергнут сплошной выборке, в результате чего было отобрано около 900 случаев использования вводных формул при цитировании. Следует отметить, что подавляющее их большинство (около 95 %) встретилось в работах студентов гуманитарных факультетов, в то время как студенты, изучающие естественные и точные науки, практически всегда обходятся лишь ссылкой на список литературы. Данную особенность, по всей видимости, можно объяснить стилистической традицией научного дискурса этих направлений.

В дальнейшем материал был разбит на три группы: 1) претерито-ориентированные формулы, ср.: *Еще А. А. Потемня писал...*; 2) презентно-ориентированные формулы, ср.: *К. Г. Юнг отмечает...*; 3) наиболее абстрактные формулы, в которых глагольная форма отсутствует, ср.: *По мысли Гумбольдта...* По нашему мнению, избираемая модель цитирования репрезентирует авторский взгляд на цитируемый текст, который, соответственно, может быть: 1) фактологическим, т. е. когда текст рассматривается как созданный ранее речевой продукт; 2) синхронно-экзистенциальным – тексту придается статус сущности, имеющейся «здесь и сейчас», безотносительно времени его создания; 3) абстрактно-отвлеченным – автор не конкретизирует свою позицию по отношению к экзистенциальному статусу цитируемого речевого произведения; 4) смешанным, совмещающим два, либо все три типа вводных формул в рамках одной работы.

Уточним здесь, что опубликованные материалы конференций представляют собой тексты небольшой величины – 1 – 2 стр. Достаточно высока вероятность того, что в объемных научных работах со значительным числом цитат смешанный тип имел бы наиболее высокую частотность из-за желания автора разнообразить свою речь, однако в данном случае этот аргумент едва ли можно считать весомым: согласно правилам оформления, в среднем цитируется 2 – 4 научных источника.

Обратимся к статистике. Из общего числа отобранных вводных формул цитирования претерито-ориентированных – 23 %, презентно-ориентированных – 63 %, абстрактных – 14 %. Смещение различных типов вводных формул отмечено в 19 % работ. Столько же, 19 %, работ, авторы которых придерживаются строго претеритной организации ввода цитируемого текста. В 44 % статей вводные формулы презентно-ориентированные и в 18 % – абстрактные.

Главным заключением, к которому подводят результаты проведенного исследования, является следующее: в общем массиве материала наблюдается безусловное доминирование презентно-ориентированных вводных формул цитирования. В оппозиции «настоящее vs. прошедшее» прошедшее – признаковая категория, т. к. указывает на то, что действие относится к прошлому, тогда как настоящее как таковое не определено в отношении времени и является типично беспризнаковой категорией. Как правило, в речи все сводится к использованию беспризнаковых форм за счет соответствующих признаковых. Беспризнаковая форма функционирует в языковом мышлении как представитель коррелятивной пары; поэтому в из-

вестной степени ощущается как первичная [13, с. 214]. По всей видимости, именно в связи с этим презентно-ориентированные формулы являются наиболее частотными. Анализ статистики с позиций авторского взгляда на цитируемый текст также показывает доминирование синхронно-экзистенциальной позиции. Добавим, что в подавляющем большинстве (83 %) работ со смещением различных типов присутствуют презентно-ориентированные формулы. Авторы, таким образом, относятся к цитируемому тексту как к данности текущего момента, а не факту прошлого.

Резюмировать сказанное можно так: любая грамматическая категория предоставляет автору речевого произведения вариативные формы, избираемые под воздействием антропофактора, что доказывает личностную обусловленность грамматики. Не являясь зеркальным отображением действительности, грамматическая схема описываемой в речи ситуации зависит от существующей у автора картины мира, его персональных представлений и установок. Грамматика позволяет вскрыть разнообразие индивидуальных вариантов мироощущения, преломленных через призму языка.

Р. С. В ходе обсуждения отдельных положений данной работы, состоявшегося в рамках работы секции «Обыденная философия языка, бытовая лингвистика и лингвоперсонология» Международной научной конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов», были высказаны некоторые, требующие дальнейшей экспериментальной проверки, гипотезы, приведенные ниже с авторскими комментариями:

1. Система цитации претерпела большие изменения в течение последнего столетия. Современная

вариативность формулы ввода цитирования – результат возросшей свободы изложения, утраченной зависимости от строго регламентированной системы написания научного текста. Так, если взять работы авторов начала – середины XX в., анализ, скорее всего, покажет принципиально иную статистику.

Соглашаясь с тем, что формулы ввода цитируемой информации, скорее всего, действительно видоизменились в значительной степени, следует обратить внимание на тот факт, что в качестве материала исследования были использованы студенческие работы, публикации которых были достаточно редкими в первой половине XX в. Доступны, скорее, статьи зрелых авторов, прошедших серьезную школу перед возможностью опубликования своих идей. Следовательно, сравнивать надо сопоставимые величины прошлого и настоящего. Диахронический анализ в этом случае обещает интересные научные данные.

2. Нельзя скидывать со счетов тот факт, что многие из проанализированных работ студентов корректированы научными руководителями, имеющими свое представление о нормативном оформлении формулы цитирования. Таким образом, с одной стороны, чистота эксперимента ставится под вопрос: доминирующая языковая личность научного руководителя не допускает полноценного раскрытия языковой личности автора в плане речевого оформления своих мыслей.

С другой стороны, тем не менее важна именно статистическая вероятность использования того или иного алгоритма ввода формулы цитирования; релевантность совместного или индивидуального авторства, как представляется, в данном аспекте рассмотрения вопроса является спорной.

Литература

1. Аксаков, К. С. О русских глаголах / К. С. Аксаков. – М.: Тип. Л. Степановой, 1855.
2. Голев, Н. Д. Языковая личность как носитель языковой способности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Инostr. лит-ра, 1958.
4. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. научных трудов. – Тверь: Тверский гос. ун-т, 2002.
5. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
6. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2007.
7. Некрасов, Н. П. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов. – СПб.: Паульсон и К°, 1865.
8. Никуличева, Д. Б. Отражение перцептивной позиции говорящего в датской видовременной системе в сопоставлении с русской / Д. Б. Никуличева // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. – Ч. 2. – Таганрог, 2005.
9. Никуличева, Д. Б. Различия временных представлений в датском и русском языках и их отражение в зеркале перевода / Д. Б. Никуличева // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. – Ч. 2. – М., 2004.
10. Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы V (XXXVII) Международной научно-практической конференции. – Кемерово: ИНТ, 2010. – Вып. 11. – Т. 1.
11. Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы VII (XXXIX) Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, КемГУ, г. Кемерово. – [Электронный ресурс] / сост. Е. А. Баннова; под общ. ред. К. Е. Афанасьева. – Вып. 13. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 1107 с.
12. Тарасова, Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков: Основа, 1992.

13. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М., 1985.

Информация об авторе:

Кузнецов Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8(3842) 75-00-39, kuznetsov2610@yandex.ru.

Kuznetsov Dmitry Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology № 1 of KemsU.